

Клубные встречи

“Судьба” и “Любовь земная”, “Родная кровь” и “Дом, в котором я живу”, “Восемнадцатый год” и “Ярость”, “Цыган” (доволонтировский, сами понимаете, с Хитяевой в роли Клавдии) и “Поднятая целина”, “Воскресение” и “Я, Шаповалов Т.П.”... Все эти хорошо известные фильмы связаны с именем Евгения Матвеева. Сегодня народный артист СССР, народный артист России, лауреат Государственной премии Евгений Семенович Матвеев — гость “Вечернего клуба”.

Евгений МАТВЕЕВ:

Вег. клуб. — 1995. — 29 июля. — с. 7.

«У меня одна партия, я за нее с 46-го жилы рвал из себя»

— Ну-с, так о чем будем толковать? Что-то я последнее время выговорился уже...

— Евгений Семенович, а давайте сначала — о чем бы вы НЕ хотели говорить! Есть же, наверное, такие темы, которые вам претят категорически? Политика, экономика, личная жизнь...?

— Тут ко мне недавно приходили из одной партии. Свататься, чтоб вступил. Нет, отвечаю, братцы, я нынче — убежденный холостяк. Была у меня одна партия, я за нее с сорок шестого года жилы рвал из себя, а теперь, когда вас десяток развелось... Да и понять вас невозможно, на словах-то вы все за благо людей и общее процветание, а как сядете в ваши кресла...

Не хочу! Говорите, что вы за народ? Ну так и я — за народ, только по-своему, своими силами и средствами, своими картинами и ролями. А быть членом каких-то там блоков...

— И что, часто сватают последнее время?

— Так выборы же на носу. Они бы лучше, чем к нам ходить, заманивать...

Вот, слушайте, вчера, что ли, или позавчера, иду к дому, а у нас недалеко базарчик, смотрю, огурцами торгуют, и стою над этим ящиком с огурцами старенькая женщина. И что-то там копошится в ящике, копошится, присмотрелся, а она-то похуже огурчик выбирает! Похуже, да один единственный. Не продадите ли вот этот подешевле, спрашивает. А торговка ей так грубо, так презрительно — да бери уж даром! И что вы думаете, — положила тихонько этот разнесчастный огурец и отошла.

Не нищая! Не захотела брать. Гордость есть, достоинство! И во что это достоинство превращают, как его топчут...

— Евгений Семенович, я помню одно ваше интервью, давнее уже, когда у нас вся эта кутерьма началась. Когда чер-

нуха поперла с экрана. Вы тогда сказали, что ни за что не будете делать фильмы, после которых человек захочет пойти и повеситься.

— Никогда! Да что ж мы, в самом деле, с людьми-то творим?! И без того у них все плохо и беспросветно, вот придет эта оскорбленная, униженная женщина домой, включит телевизор — а там ее, как дубиной по голове, опять мерзостью гвоздят...

— А вдруг: включит телевизор, а там — “Воскресение”, или “Родная кровь”, или “Любить по-русски”?!?

— Спасибо на добром слове...

— А давайте, действительно, Евгений Семенович, ну ее, политику, — про любовь поговорим. По-русски.

— Правду сказать, думал, что все — последний фильм снимаю. Хватит с меня. Ромм Михаил Ильич сказал как-то — давно дело было, я еще молодой был, — что если ему, режиссеру, удастся в фильме своем сорок процентов от замысла воплотить, он уже счастлив. Я тогда думал: кокетничает мэтр. Это представить только — раз в его, смею сказать, шедевре на экране всего-то сорок процентов, то каковы бы были все сто, а?

А теперь поня: истинная правда! Да и больше скажу, если двадцать процентов от задуманного сумеешь донести — будь благодарен судьбе.

Тяжко работали, не раз казалось — все, амба, денег нет и не будет, не доснимем фильм!

— А в каких местах шли съемки?

— В моих любимейших в России — Калужская область, Жуковский район, там недалеко родина Георгия Константиновича Жукова, непередаваемо люблю я тамошние края.

Досняли-таки, вздохнул с облегчением. Премьерный показ был в “Космосе”, потом в Доме кино. Ну, вы, наверное, знаете, как приняли картину...

— Скандировали: “Продолжение!”?

— Никогда не ожидал такой реакции. Не ожидал! Верите, идут письма, в конверты пятерки, десятки вложены: “Только снимайте дальше, очень просим, из следующей пенсии еще вышлем, сколько сможем...”

— Плакать хочется...

— Не то слово. Значит, доброе дело сделали, значит, нужно оно сегодня людям, такое кино, а не одни только “банановые сериалы”, которыми нас завалили; по черному-то хлебу родному с картошечкой, зная, соскучились.

— И что же, Евгений Семенович, как с продолжением? Будет народный фильм на народные деньги?

— Если на пятерку от тети Дуси или десятку от дяди Коли — нет! Не могу я, понимаете,

просто не смогу принимать эту жертву из их мизерной пенсии. Да и не снимешь сейчас картину на эти деньги. Но в какой-то степени — действительно народный фильм будет, потому что уже сейчас есть предложения, конкретные производственные коллективы, которые готовы дать нам деньги на “Любить по-русски-2”. А еще мы вот что придумали с продюсером нашим: чтобы и людей, которые готовы от себя оторвать последнее, отказать не обидеть, и в то же время... коммерческий интерес соблюсти. Напечатали уже билеты на будущий, еще не снятый нами фильм.

— Это как?

— А вот так. В форме календариков. Вот я вам сейчас покажу... глядите, что написано: “Этот календарь дает вам право на получение одного бесплатного билета на премьерный показ фильма “Любить по-русски-2” в любом кинотеатре России. Благодарим Вас за участие в создании этого фильма”. Ну, будет он стоить хоть ту же пятерку, этот календарик, вот оно и участие, а людям, согласитесь, приятно.

— Это же замечательный ход, такого еще никогда не было у нас!

— Да, был у нас когда-то госзаказ, если помните, а теперь родился народный заказ.

высоком смысле интеллигент. Тяжелая у нее жизнь была. Я ведь незаконнорожденным считался, поскольку без церковного венчания и благословения деда родился... Байстрюком дразнили, вот и стал от всех ребятишек отделяться, уединяться, сам с собой играл. Ужасно хотел иметь какой-то музыкальный инструмент, у нас в селе в каждом дворе — балалайки, гармошки, где бубен. И дед сказал: заработаешь — купишь. Вот, заработал и купил балалайку. Сам песни подбирал, сам пел. И такой малец — а уже кайф ловил, по нынешнему говоря, когда выйду вечером с балалайкой, а женщины уж ждут меня после работы, у колодца ноги помыли — это вроде как сейчас туфли модные надели — на концерт. А я как заведу жалостное, слезу выжимающее — “эх, да как на кладбище, митрофановском, отец дочку зарезал свою!”

Женщины плачут, мать говорит: “Женька, да ты бы что повеселее спел, что ж ты людей в тоску вгоняешь!” Ну я тут частушки выдаю! Нет, не воспроизведу, лексика, того... ненормативная... Хохот стоит!

А я в душе своей ребячьей счастлив несказанно — вот, значит, как! Могу я людей заставить и плакать, и смеяться! А ведь и не знал того, что профессия такая — актер — существует, что учат где-то специально этому...

Ну а потом переехали мы в город Цюрупинск, в школе в кружке актерском занимался, в студию пошел учиться, на сцене Херсонского театра — статистом; заметил меня побывавший тогда в городе Николай Черкасов и благословил ехать учиться к Довженке...

— А ваши дети не по отцовым стопам пошли? Не в актеры?

— Хватит в доме и одного психа... Дочка хотела было. Светка, говорю, сперва мне экзамен сдашь, а там поглядим. Нет, говорит, пап, я тебя боюсь. Отговаривал ее. Тяжелый у нас хлеб, давно известно, и сколько мы наплодили несчастных, нищих, убиленных людей! Такой помню разговор у нас во ВГИКе. Профессор, спрашиваю, Баталов, сколько у вас на курсе ребят, которые действительно станут актерами? Да есть, Леша отвечает, парень с девчонкой, если не свихнутся — получится из них что-то. Профессор Бондарчук, а у вас? Одна, говорит. И она действительно стала звездой — Наташа Андрейченко. А? Так это из пятнадцати — один всего! А у тебя, спрашивают они меня, профессор Матвеев, сколько? Примерно так же, отвечаю.

Не потому, что неталантливый. Неталантливый не поступил бы. А вот пробиться потом трудно. Судьба актера непредсказуема, он вечно зависим от обстоятельств.

— Евгений Семенович, у вас есть жизненный девиз, кредо, слова, которые помогают и поддерживают вас?

— Лев Николаевич Толстой: “Искусство, это — взять у народа прекрасные, возвышенные чувства, пережить их самому и снова вернуть народу!”

Гостя принимала
Ольга МОЗГОВАЯ.
Фото
Виктора
СМОЛЬЯНИНОВА.